

Из истории русского языка

Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов и контексты употребления

Мария Вячеславовна Ахметова, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва), malinxi@rambler.ru

DOI: 10.31857/S013161170019841-4

АННОТАЦИЯ: На материале восточнославянской (преимущественно русской) литературы XIX–XX вв. рассматривается модель, по которой образован фразеологизм *Тамбовский/брянский волк тебе товарищ*. В качестве субъектов в рамках данной модели выступает, наряду с *волком*, широкий набор персонажей, связанных с семантикой в широком смысле «нечистого», демонического, опасного и используемых в пейоративных конструкциях: *черт, собака (пес, кобель), свинья* и др. С семантической точки зрения такие формулы сопоставимы с высказываниями, делегирующими «нечистому» персонажу действия, которые говорящий отказывается выполнять. Как до вхождения в оборот обращения *товарищ* (в том числе в «классовом» значении), так и после этого конструкции типа *Тамбовский волк тебе товарищ* могут служить клишированным ответом на любое обращение (в том числе на термины родства, используемые как буквально, так и метафорически) либо на характеристику, устанавливающую отношения между двумя лицами (*друг, земляк, свой* и т. д.); в отдельных случаях являются реакцией практически на любое высказывание собеседника, тем самым реализуя функции установления дистанции по отношению к автору предыдущей реплики, его передразнивания и т. д.

М. В. Ахметова. Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов...

M. V. Akhmetova. Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability...

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизм, формула, пейоратив, тамбовский волк, вариативность

для цитирования: Ахметова М. В. Еще раз об известном фразеологизме *Тамбовский волк тебе товарищ*: вариативность компонентов и контексты употребления // Русская речь. 2022. № 2. С. 38–52. DOI: 10.31857/S013161170019841-4.

благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

From the History of the Russian Language

Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability of Components and Contexts of Usage

Maria V. Akhmetova, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow), malinxi@rambler.ru

ABSTRACT: The paper is based on the material of the 19th–20th centuries East Slavic (principally Russian) literature. The author analyzes the model underlying the phraseological unit *Tambovskii/bryanskii volk tebe tovarishch* (lit. 'Tambov/Bryansk wolf is your comrade'). Besides 'wolf', the discussed model can include such subjects, as 'devil', 'dog', 'swine' etc., which are associated with semantics of something, that possesses "unclean", demonic or dangerous nature, and are used in pejorative constructions. From a semantic point of view, such formulas concern the statements delegating an action that the speaker refuses to perform to an "unclean" character (mostly to devil). Both before the word *tovarishch* 'comrade' (including its "class", Soviet connotations) has come into usage, and after that, the constructions

of the type *Tambovskii/bryanskii volk tebe tovarishch* were used as clichéd responses to any appeal (including terms of kinship, used both literally and metaphorically) or to a characteristic, establishing some relations between two persons ('friend', 'fellow countryman', 'relative', etc.). In some cases, the discussed formulas in practice serve as reaction to any statement of an interlocutor, thereby realizing the functions of both establishing a distance between a speaker and an author of the previous remark, mocking his speech, etc.

KEYWORDS: phraseological unit, formula, pejorative, 'Tambov wolf', variability
FOR CITATION: Akhmetova M. V. Once More on the Popular Phraseological Unit 'Tambov Wolf Is Your Comrade': Variability of Components and Contexts of Usage. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2022. No. 2. Pp. 38–52. DOI: 10.31857/S013161170019841-4.

ACKNOWLEDGEMENTS: The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

В «Активном словаре русского языка» разговорно-сниженный фразеологизм *Тамбовский <брянский> волк тебе товарищ* интерпретируется как 'возражение на обращение «товарищ», выражающее неодобрение личности обращающегося и установление дистанции в общении с ним' [Апресян (отв. ред.) 2014: 228]. Согласно общему мнению, его популяризации способствовал фильм «Дело Румянцева» (1955), где следователь говорит подозреваемому: «Я вам не товарищ, тамбовский волк вам товарищ», а далее *тамбовский волк* в сочетании с *товарищем* появляется еще в двух высказываниях [Кожевников 2009: 443–444]. В связи с происхождением формулы неизменно вспоминают и о «брянском волке»: обычно приводятся хронологически наиболее ранние ее упоминания — цитата из «Песни о Сталине» (1959) Юза Алешковского («А я простой советский заключенный, / И мне товарищ — серый брянский волк») и свидетельство из «Справочника по ГУЛАГу» Жака Росси, согласно которому стандартным ответом вольнонаемного эку в ответ на обращение *товарищ* было: «Волк в брянском лесу тебе товарищ, а не я!» [Росси 1991 (2): 409]. В частности, именно эти три источника упомянуты в словаре [Душенко 2011].

Специфические ситуации, в которых появляются соответствующие формулы в этих источниках, зачастую актуализируют в первую очередь

тюремно-лагерное или милицейское словоупотребление по отношению к лицу, пораженному в правах. Ср. комментариев к использованию обращений *гражданин* vs *товарищ* в советское время: «...к человеку, попавшему в лапы правоохранительной системы, начинали обращаться “гражданин”, и он... терял право обращаться к другим людям “товарищ” (он сразу получал в ответ: “серый/брянский/тамбовский волк тебе товарищ” или просто “волк тебе товарищ”») [Левонтина, Шмелев 2019: 170]. Высказываются и предположения о тюремно-лагерном происхождении этих формул: так, М. А. Грачев [2009: 6], основываясь, с одной стороны, на табуированности слова *товарищ*, а с другой — на «волчьих» топосах в уголовной субкультуре, однозначно утверждает, что эти фразеологизмы происходят «из милицейско-криминальной среды» и «придуманы уголовным миром».

Исследователей может занимать вопрос о том, какая из формул, «брянская» или «тамбовская», является исходной. Тот факт, что первая упоминается авторами, тюремно-лагерный опыт которых состоялся задолго до выхода фильма «Дело Румянцева», позволяет с большей или меньшей уверенностью предполагать ее хронологическое старшинство. По мнению М. А. Грачева, выражение *Тамбовский волк тебе товарищ* «образовалось по аналогии»: «волка *брянского* заменил волк *тамбовский*» [Грачев 2009: 6]; согласно К. В. Душенко, «в исходной форме был “брянский волк”», лишь благодаря фильму закрепилось выражение с «тамбовским волком» [Душенко 2011: 334].

К противоположным выводам приходит А. А. Бурькин [Бурькин 2019], проанализировавший употребление формул *Тамбовский/брянский волк (тебе товарищ)* на большом массиве текстов. Словосочетание *тамбовские волки* (не включенное в клишированный ответ на обращение, а являющееся «территориальным именованим персонажей») впервые обнаруживается им в тексте 1912 г.; формулу *Тамбовский волк тебе товарищ* Бурькин возводит к народной речи, к сфере просторечия и жаргона (не уделяя при этом серьезного внимания тюремно-лагерным контекстам), а словосочетание *брянский волк* и включающий его фразеологизм предлагает считать окказиональными и вторичными.

Другой вопрос, поднимаемый в связи с этим материалом, — чем обусловлено появление конкретных оттопонимных прилагательных. Если «брянский» фразеологизм трактуют через историческое название города *Дебрянск* и, соответственно, через связь с *дебрями* [Друговойко-Должанская 2006; Грачев 2009: 6], то относительно происхождения фразеологизма «тамбовского» в исторической и краеведческой литературе (а также — в связи с его известностью как локальной формулы идентичности и с попытками продвижения «тамбовского волка» в качестве местного бренда —

в популярных медиа¹) существует несколько версий. А. А. Бурькин [Бурькин 2019] считает наиболее убедительными версии, согласно которым *тамбовскими волками* в XIX в. именовали местных крестьян-отходников, отбивавших работу у конкурентов, а в начале 1920-х годов — крестьян, участвовавших в Тамбовском восстании.

В целом все, кто обращается к соответствующему фразеологизму, исходят из предпосылки об обязательности в нем элементов *волк* и *товарищ*. Показательно, что Бурькин [Бурькин 2019: 88] рассматривает встречающиеся в литературе выражения типа «Тамбовский волк тебе друг/братец и т. д.» лишь как трансформации инвариантной киноцитаты. Безусловно, в современной культуре прецедентная формула *Тамбовский волк тебе товарищ* активно обыгрывается и пародируется. Однако существуют и ранние контексты, где топонимный компонент в составе формул *N-ский волк тебе товарищ* / *Волк в N-ском лесу тебе товарищ* варьируется. Наряду с *тамбовским* и *брянским* в художественной литературе 1930-х годов упоминается также *киренский волк*, ср.: — *Товарищи, граждане, ослобоните <...> — Киренский волк тебе товарищ...* [Петров 1936: 168]; — *Я уж так привык, дорогие товарищи. — Тебе киренские волки — товарищи...* [Нилин 1940: 75–76] (текст написан в 1939 г.).

Киренск — город в Иркутской области; в тюремно-лагерном контексте немаловажно, что Киренский уезд еще до революции был местом ссылки. Географическая принадлежность авторов приведенных текстов (П. П. Петров и П. Ф. Нилин родились и выросли в Восточной Сибири) позволяет предположить региональный характер данного варианта. Интересно, что в поздней версии своей повести Нилин меняет прилагательное *киренские* на дериват от другого иркутского ойконима — Жигалово (*Вам жигаловские волки — товарищи* [Нилин 1956: 26]), вероятно по (само)цензурным соображениям: в 1930-е годы в Киренске находилась тюрьма НКВД. Наряду с этим обнаруживаются варианты и с другими прилагательными: например, *Финский волк тебе товарищ, а не мы* в воспоминаниях о Гражданской войне [Медведев 1960: 48 (1-я публ. 1939)] или *Волк в Лужском² лесу тебе товарищ!* в автобиографической повести диссидента Ю. А. Ветохина [Ветохина 1983: 400] (последнее, впрочем, можно считать индивидуальным варьированием тюремно-лагерной формулы с упоминанием «волка в брянском лесу»).

В цели этой статьи не входит ни установление «исходного» варианта, ни выявление причин, по которым во фразеологизм включается та или

¹ Так, на портале «Тамбовия» собрано более десяти версий происхождения формулы *тамбовский волк* разной степени фантастичности (http://tambovia.ru/tambovskiy_volk.html).

² Как пишет сам автор [Ветохин 1983: 10], в детстве он жил на даче в г. Луге под Ленинградом.

иная географическая привязка. Я рассмотрю саму модель, по которой построены подобные высказывания: субъектом в ней может выступать не только *волк*, а сами высказывания являются реакцией не только на обращение *товарищ*. В качестве материала используются художественная литература и публицистика; поиск источников производился по сервису Google.Books. Я постараюсь ограничиться примерами из текстов, созданных до 1955 г. (т. е. в которых соответствующие формулы заведомо не являются кинозависимыми), с привлечением некоторых текстов до начала XXI в.

* * *

Наряду с «географически маркированным» **волком** в ответах на обращение *товарищ* могут упоминаться *серый волк*, *волк в лесу* и просто *волк*: «Какой я тебе товарищ? Волк в лесу тебе товарищ, а не я!» Скоро нам объяснили, что обращение «товарищ» не допускается для арестованных и мы должны обращаться к начальству со словом «гражданин» (воспоминания о 1940 г.) [Марголин 1977: 159].

Контексты 1920-х годов позволяют говорить о том, что уже в это время соответствующий ответ мог инспирироваться использованием обращения *товарищ* идеологически или классово чуждым лицом. Однако речь может идти не столько о недопустимости этого обращения как классово маркированного, сколько о том, что отвечающий отказывается признавать «товарищеские» отношения между собой и говорящим, — как, например, в следующем фрагменте, где речь идет о конфликте моряка с командой: *Может, я не могу так, как злодей или чужой! Вот, давеча, Чумисова товарищем назвал, а он говорит: тебе товарищ один остался, в Брянском лесу волк. <...> Товарищем, понимаешь, товарищем опять хочу стать* [Гаврилов 1928: 147].

В романе Всеволода Иванова «Голубые пески» (1922) в одном случае *Волк тебе товарищ, сволочь!* служит ответом красногвардейцу от крестьян, в другом *Серый волк тебе — товарищ, стерва!* говорят женщине матросы [Иванов 1923: 139, 219]; в романе Ф. А. Березовского «Бабы тропы» (1928) *Волк тебе товарищ!* кричит крестьянин выступающему на митинге [Березовский 1934: 291]. Кроме того, и до вхождения в обиход «классового» обращения *товарищ*, и после этого стимулом для воспроизведения высказывания могли становиться, например, такие обращения и характеристики, устанавливающие отношения между двумя лицами, как метафорически используемые термины родства: *брат* (*братец* и т. д.), а также *друг*, *свой*: — *Он тебе не только земляк, но и брат <...> — Какой он мне*

брат! волк ему брат брянских лесов, а не я. — Как какой? Ведь мы все дети одного Отца небесного [Изымченко 1905: 4]; — *Братцы, говорю, постарайтесь! <...> — Какие мы тебе братцы? Серый волк тебе братец!* [Скиталец 1955: 240] (Огарки, 1-я публ. 1906); — *...побратим мой хороший <...> — Волк тебе побратим, а не я!* [Савихин 1906: 68]; — *Братишка, помоги малость. <...> — Волк тебе братишка* [Шугаев 1925: 54]; — *Как там наша братва поживает? <...> — Какой чорт брат! Волк в тамбовском лесу [sic!] брат им, а не я* [Строд 1973: 213] (републ. изд. 1930-х годов); — *Русский стал братом алтайцу, а алтаец русскому <...> — Серый волк тебе брат! — крикнул мужик* [Коптелов 1951: 301]; — *Мы друзья при любой погоде, конечно. <...> («Тамбовский волк тебе друг», — подумал Канашев.)* [Кочин 1962: 267] (роман «Девки», 1-я публ. 1928–1931); — *Чего же на своего-то... с рога-тиной... — Волк тебе свой...* [Гайворон 1939: 76].

Наряду с волком в подобных высказываниях действуют и иные субъекты, наиболее частотны следующие:

- **черт** (окказионально **леший**): *Степанида. Он вас тоже всегда зовет братцем. Бедовый. Братцем? гм! черт ему братец, а не я* [Григорьев 1871: 145]; — *Брат о Христе! <...> — Черт тебе брат, а не я!* [Лопатин 1874: 178]; — *Свой, свой, то-ва-рищ... — Леший тебе товарищ* [Азарх 1956: 175],
- **собака (кобель, пес)**: — *Послушай, догёр (приятель), нет ли у тебя листочка махорки? <...> — Собака тебе приятель, а не я!* [Короленко 1953: 118] (Сон Макара. 1883); *Проходя мимо них (босяков. — М. А.), Лев Николаевич сказал: «Здорово, братцы!» — Собака тебе брат, — угрюмо сказал один из них* [Попов 1938: 368] (воспоминания Е. И. Петрова о Л. Н. Толстом); — *...товаришу офицер! <...> — Собака тебе товарищ, немецкая шлюха!* [Гай-Головко 1950: 85]; *Прибежал директор. <...> — Товарищи рабочие... — Кобель тебе товарищ!* [Серафимович 1934: 407] (История одной забастовки. 1924); *Игорь. Товарищи! Зинько. Пес тебе товарищ* (Василь Минко, пьеса «Черный змей», конец 1950-х) [Ищук 1960: 430]; — *Не губите, братцы-и!! — Сивый кобель тебе брат!* [Воробьев 1973: 47] (текст написан в 1960 г.); *«Не лейте напрасно кровь, братья казаки!» Лицо офицера перекосилось еще сильнее. «Пес тебе брат!»* [Василенко 1964: 262]; — *Как сыновей, предупреждаю вас... — Пес тебе сын! — шумела толпа* [Быков, Казаков 1967: 115] (литературно обработанные воспоминания участников революции 1917 г.),
- **свинья** (в то время как *черт* и *собака* достоверно выявляются в произведениях XIX — начала XX в., примеры со *свиньей* обнаруживаются в более поздних контекстах): *«По вашему распоряжению и указанию*

*старшины прибежал к вам, товарищ комиссар». Комиссар еще злее кричит: «Свинья тебе товарищ!» [Федоров 2002: 239] (цитата из письма 2000 г. С. В. Столыпина, 1913 г. р.; речь идет о дискриминации из-за фамилии: в 1934 г. он был изгнан из рядов Красной армии); «Я свой, товарищ!» А красноармеец в ответ: «Свинья тебе товарищ, бандюга!» [Никитин 1961: 19]; — *Добрый день, товарищ командир! — Свинья тебе товарищ, а не я!* [Последович 1962: 169].*

Редко появляются иные животные-субъекты — *медведь, змея* и *козел*. А. И. Молотков и Е. К. Павленко [Молотков, Павленко 1988: 57] на материале русских сказок (к сожалению, без указания источника и контекста) фиксируют фразеологизм *медведь тебе товарищ* как «выражение пренебрежения к кому-либо». Такие примеры единичны, но первый появляется до 1955 г. (— *Ей-богу, товарищи! — Волк тебе товарищ! Да медведь забайкальский...* [Барышников 1954: 359]); второй пример (— *Добрый вечер, товарищ. <...> — Медведь тебе товарищ, сука, — отвечает следователь...* [Рабин 1989: 44]) не слишком чистый, поскольку является переводным (с идиша), но, учитывая, что автор последнего текста, И. И. Рабин, в 1937–1943 гг. был заключенным, вполне возможно, что он цитирует актуальное лагерное выражение.

Пример со змеей уникален: — *Братушки... товарищи <...> — Змея тебе товарищ!* [Стаднюк 1958: 120]; примеры с козлом единичны и обнаруживаются не ранее 1990-х годов: — *«Мальборо». Досасывай, дядя! «Козел тебе дядя», — вместо благодарности подумал он* [Теплов 1991: 36].

Наконец, с 1950-х годов в контекстах, связанных с Великой Отечественной войной, фиксируются *Гитлер* и (единично) *фашист*: — *Что вам надо от меня, товарищи? <...> — Фашист тебе товарищ!* [Иосселиани 1959а: 14]; — *Что вам надо, товарищи? <...> — Волк тебе товарищ! <...> — Гитлер тебе товарищ, шпионская морда!* [Иосселиани 1959b: 14, 20]; *Какие мы тебе свои... Гитлер тебе свояк* [Сафонов 1969: 177]; — *Держись за меня, друг, не пропадешь! — Кобель да Гитлер тебе друзья, вошь тифозная!* (ответ власовцу) [Бережной 1997: 218].

В рассмотренных выше случаях речь шла о реакции а) на обращение или б) на характеристику, которая устанавливает особые отношения кого-либо с автором реплики, когда последний считает эти обращения и характеристики нерелевантными. В цитатах ниже обращения, стимулирующие воспроизведение формулы, отражают реально существующие отношения — родство/свойство, общность по территории: — *Ты что ж? Не отец значит своему дитю? <...> — Черт тебе отец, а не я...* [Гарин 1894: 60]; «...*Сва-ат!...*» <...> — «*Сукин ты сын, а не сват! Серый волк тебе сват...*» [Шилов 1925: 6]; — *Ты так-то, батяня? <...> — Серый волк тебе*

батяня <...> Отец с наградами да грамотами службу нес, а сын разбойник... [Веселый 1929: 395]; — *Батя!* — *Кобель тебе батя* [Федоров 1939: 110]; — *Говорю, можно лететь, земляк, значит, можно! <...> — Гитлер тебе земляк, а не я!* (диалог отца и сына) [Райгородецкий 1978: 126]. Отрицание этой связи, подразумеваемое внутренней формой фразеологизма, здесь не столько означает отказ в праве на использование соответствующего обращения, сколько указывает на символическую форму дистанцирования, подразумевающую, что собеседник не достоин называть/считать говорящего отцом, сватом, земляком и т. д.

Следующий (уникальный) пример интересен тем, что упомянутое в нем обращение не устанавливает никаких отношений между адресантом и адресатами, будучи нейтральной констатацией статуса последних: — *Постойте, станичники!* — *Куцый кабель [sic!] тебе станичник!* [Шолохов 1928: 150]. Речь идет не о том, что говорящий отказывает в праве называть его станичником (которым он по сути является), а вообще о дистанцировании от высказывания оппонента, каким бы оно ни было.

Наконец, еще в одном уникальном примере говорящий отвечает вообще не на обращение, а на упоминание некоего «закона»: — *...закон такой есть <...> — Закон? По новому закону? Нешто это закон?.. Волк тебе закон, вот что* [Муйжель 1912: 494] (1-я публ. 1911).

Приведенные контексты демонстрируют функции фразеологизма: наряду с «неуместностью предшествующего речевого акта собеседника» [Баранов, Добровольский 2009: 22] на уровне актуального значения, он может функционально использоваться как средство выражения «крайней невежливости», передразнивания собеседника и нежелания продолжить коммуникацию [Баранов, Добровольский 2009: 23], и приведенные высказывания, построенные по данной модели, выявляют это гораздо очевиднее, чем одна лишь формула *Тамбовский волк тебе товарищ*.

* * *

Заслуживает комментария набор персонажей, выступающих как субъекты в составе фразеологизма. Так или иначе, они связаны со сферой в широком смысле «нечистого»/опасного и в силу этого задействуются в пейоративных конструкциях. В рамках клишированных высказываний многие из них взаимозаменяемы: *черт/пес его знает; на кой черт/пес; чертов/собачий/песий/свинячий сын; к черту / к свиньям*; вятск. «На сердитых волки (иногда: черти) ср... ездить». Относительно последней поговорки приводящий ее Д. К. Зеленин замечает, что *волки* в данном случае — «конечно, волкодлаки, оборотни, нечистые» [Зеленин 1995: 56];

однако здесь мы имеем дело, вероятно, не столько с эвфемизацией, сколько с контекстуальной синонимией, ср. идиому, комментирующую неизвестное местоположение человека: *волки срать / в лес уехали (на ком)*. В народной речи апеллятивы *черт, волк, собака, пес, медведь, свинья* задействуются в образовании терминов, маркирующих сниженные коннотации обозначаемого объекта, в частности «служат источниками возникновения пейоративных топонимов. Так появляются “чертова”, “волчья”, “собачья” и прочая топонимия» [Феоктистова 1979: 80] (о пейоративной семантике свиньи, волка, собаки в славянской лексике см. также: [Березович 2014: 196]). Причины, по которым в данную модель в XX в. встраивается вполне демонизированный *Гитлер*, прозрачны.

С семантической точки зрения можно соотносить рассматриваемые формулы с высказываниями, предполагающими делегирование «нечистому» персонажу действия, которое говорящий отказывается совершать, например: *Только пускай чёрт будет твоим дружкой, а я не хочу* (П. А. Плавильщиков. Сговор Кутейкина. 1789; цит. по НКРЯ); — *...покажите сей же час мешок ваш! — Лысый чорт тебе покажет, а не мы* [Гоголь 1940: 229] (Ночь перед Рождеством. 1832); [После неудачного обсуждения брака] *...дочь — пьфу! пусть на ней черт женится* [Вельтман 1989: 230] (Новый Емеля, или Превращение. 1845). Показательно, что наряду с демонологическим персонажем в рамках таких высказываний ситуативно появляются, в частности, те же субъекты, что и в формулах типа *Тамбовский волк тебе товарищ*. Ср. формулу *Пусть медведь работает*, упоминаемую, в частности, в «Архипелаге ГУЛАГ» А. И. Солженицына, но, видимо, имеющую догулаговское происхождение³, или: — *Хорошенькая женщина вправе не пояснять своих капризов. Но мне бы хотелось услышать ваши претензии. — Кобель тебе пояснит, а не я* [Александров 1978: 301].

Напоследок можно отметить интересную подробность: пейоративная формула в виде *пес тебе брат* вполне буквально разворачивается в таком неожиданном типе фольклорных текстов, как духовные стихи. В некоторых вариантах стиха о двух братьях Лазарях богатый брат оскорбляется просьбой нищего о милостыне и обращением к нему как к *братцу*: *Какой я тебе братец, какой я родной / Мои-ти ведь братья — князя, бояра, / Твои-ти ведь братья борзые кобели!* [Истомин, Ляпунов 1899: 29]; *А ты ж мне ня братиц и ня родной мой, / Есть у меня братия тебе — [а твои ли братья] люты [подстольные] псы* [Бессонов 1861: 74] (квадратные скобки в источнике).

³ Первое достоверное упоминание — в [Андреев 1926: 79], где *Пускай медведь работает. У него голова большая* говорит персонаж, имеющий связи с околориминальным миром. Автор текста, В. М. Андреев, находился в ссылке в 1910–1913 гг.

* * *

Таким образом, фразеологизм *Тамбовский/брянский волк тебе товарищ* следует считать частным случаем формульного ответа, имеющего вид [*«Нечистый» персонаж*] (кому) [*цитата из реплики собеседника*] (а не я), который задействует семантику «нечистого»/демонического/опасного и на самом деле имеет параллели в западноевропейских языках⁴. Связь фразеологизма с тюремно-лагерным контекстом не является первичной и обусловлена «классовыми» коннотациями, которые в советскую эпоху приобрело обращение *товарищ*.

В контексте семантики демонического, «нечистого» и опасного интересной представляется трактовка тюремно-лагерной формулы из *Брянского леса* С. А. Снеговым, заключенным ГУЛАГа в 1936–1945 гг.: «Ни от кого. Письмо из Брянского леса — письма нет. Волк из Брянского леса тебе товарищ — нет у тебя товарища» [Снегов 1991: 224]. Противоречие этой интерпретации другим существующим трактовкам (и актуальному словоупотреблению) снимается, если рассматривать «брянский лес» в понимании Снегова как условный, абстрактный локус, совмещающий семантику чужого, опасного, «нечистого» и демонического (потустороннего), т. е. относящегося к той же самой сфере, в которой «обитают» фразеологические *черт, пес, свинья* и др.

Источники

Азарх Р. Дорога чести: роман-хроника. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1956. 234 с.

Александров Г. М. Я уважу к отверженным селениям: роман: в 2 т. Т. 1. Paris: YMCA-Press, 1978. 368 с.

Андреев В. Расколдованный круг: рассказы. Л.: Государственное издательство, 1926. 154 с.

Барышников А. П. Кто честен и смел: роман. М.: Советский писатель, 1954. 540 с.

Бахвиц Х. Благонравный роман / пер. с нем. Г. Ярхо. М.: Недра, 1928. 208 с.

Бережной И. Трем смертям назло // Нижний Новгород. 1997. № 5. С. 203–245.

⁴ Ср., например: *Bruder! Mein theurer Bruder! — Der Teufel ist Dein Bruder* (= Черт твой брат) [Juin 1858: 29]; *Aber, meine Brüder...! — Der Satanas ist dein Bruder!* (= Сатана твой брат) [Spindler 1855: 211]. Показательно, что в русской литературе XIX в. формула появляется в том числе в переводных текстах: *Отец... Черт тебе отец!* (на обращение «Отец мой») (пер. с англ.) [Корш 1834: 36]; *«Свинья тебе друг!» — злобно подумал майор* (на реплику с упоминанием «друга») (пер. с нем.) [Бахвиц 1928: 101].

Березовский Ф. Бабы тропы: роман: в 4 ч. М.: Художественная литература, 1934. 488 с.

Бессонов П. (сб. стихов и исслед.). Калеки переходные. Ч. 1. Вып. 1. М.: Типография А. Семена, 1861. 268 с.

Быков М. В., Казанков В. А. (сост.). За власть Советов! (Вспоминают участники борьбы за Советскую власть в Нижегородской губернии). Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1967. 350 с.

Василенко И. Жизнь и приключения Заморыша: [повести]. М.: Детская литература, 1964. 573 с.

Вельтман А. Ф. Избранное. М.: Правда, 1989. 556 с.

Веселый А. Пирующая весна [и другие рассказы]. [Харьков:] Пролетарий, [1929]. 550 с.

Ветохин Ю. Склонен к побегу. [Б. м. (США)]; [б. и.], 1983. 558 с.

Воробьев К. Д. Сказание о моем ровеснике: повести и рассказы. М.: Советская Россия, 1973. 367 с.

Гаврилов П. Глубина 225: [повесть]. М.: Московский рабочий, 1928. 189 с.

Гайворон А. Утро за Перекопом: повесть. Л.: Советский писатель, 1939. 158 с.

Гай-Головка О. Поединок з дияволом: фільми наших днів. Т. 2. Вінніпег: Видавець Іван Тиктор, 1950. 160 с.

Гарин Н. Деревенские панорамы. III. Дикий человек // Русское богатство. 1894. № 2. С. 53–79.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 556 с. [Григорьев П. И.] Театр П. И. Григорьева. Т. 1. СПб.: Издание М. О. Вольфа, 1871. 396 с.

Иванов Вс. Голубые пески. М.: Круг; Пб.: [б. и.], 1923. 320 с.

Изюмченко Н. Т. В дисциплинарном батальоне: записки Н. Т. Изюмченко. [Б. м.]: А. Tchertkoff, 1905. 64 с.

Иосселиани Я. К. В битвах под водой. М.: Воениздат, 1959а. 272 с.

Иосселиани Я. Огонь в океане. М.: Молодая гвардия, 1959б. 475 с.

Истомин Ф. М., Ляпунов С. М. Песни русского народа: собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. СПб.: Типография Э. Арнгольда, 1899. 279 с.

Ицук А. Василь Минко // Литературные портреты: критико-библиографические очерки. Т. 1. Киев: Радянський письменник, 1960. С. 408–422.

Коптелов А. Великое кочевье: [главы из романа] // Алтай в художественной литературе. Барнаул: Алтайское краевое издательство, 1951. С. 279–306.

Короленко В. Г. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1: Повести и рассказы. Ч. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 496 с.

Корш Е. (пер.). Графиня из простых. Сцены образованного света / пер. [из «New Monthly Magazine»] // Библиотека для чтения. Т. 3. Отд. 2. 1834. С. 36–48.

Кочин Н. Девки. Парни: [романы]. М.: Гослитиздат, 1962. 720 с.

[*Лопатин Г. А.*] Из Иркутска // Вперед! Т. 3. Отд. 2. 1874. С. 160–181. (Републ. в 1911 г. под загл. «Не-Наши»).

Марголин Ю. Сентябрь, 1939 // Время и мы. № 15. 1977. С. 155–185.

Медведев А. И. По долинам и по взгорьям. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1960. 152 с.

[*Муйжель В. В.*]. Собр. соч. В. В. Муйжеля. Т. 8: Год. Ч. 1. СПб.: Просвещение, 1912. 386 с.

Никитин С. Во все дела человеческие: очерки и рассказы. [М.]: Профиздат, 1961. 96 с.

Нилин П. О любви // Новый мир. 1940. № 7. С. 68–91.

Нилин П. Жестокость // Знамя. 1956. № 11. С. 3–61.

Петров П. Половодье // Будущая Сибирь. 1936. № 1. С. 3–306.

Попов Е. Отрывочные воспоминания о Л. Н. Толстом // Л. Н. Толстой. М.: Издательство Государственного литературного музея, 1938. (Летописи Гос. лит. музея; Кн. 2). [Т. 1]. С. 363–370.

Последович М. С тобою рядом: повесть / пер. с белорус. М.: Детгиз, 1962. 248 с.

Рабин И. Тот самый год / пер. [с идиша] // Год за годом: лит. ежегодник: по материалам журнала «Советиш Геймланд» («Советская Родина») / под общ. ред. А. Вергелиса. М.: Советский писатель, 1989. С. 3–84.

Райгородецкий Р. Бухта сомнения. Ловцы человека: романы. М.: Советский писатель, 1978. 352 с.

Савихин В. И. Пробуждение и другие рассказы. М.: Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и К^о, 1906. 371 с.

Сафонов В. И. Там, в лесу, партизаны...: две повести. М.: Московский рабочий, 1969. 224 с.

Серафимович А. С. Сочинения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. 536 с.

Скиталец С. Г. Избр. произведения. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 624 с.

Снегов С. Язык, который ненавидит. М.: Просвет, 1991. 251 с.

Стаднюк И. Человек не сдастся // Нева. 1958. № 2. С. 85–130.

Строд И. В якутской тайге. Якутск: Книжное издательство, 1973. 359 с.

Теплов Ю. Маленькие трагедии // Дальний Восток. 1991. № 11. С. 52–59.

Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: биография П. А. Столыпина. Т. 2. СПб.: Лимбус Пресс, 2002. 268 с.

- Федоров Е.* Горная дорога. Л.: Художественная литература, 1939. 570 с.
- Шилов С.* Дебри // Новый мир. 1925. № 4. С. 3–25.
- Шолохов М.* Тихий Дон. Ч. 2 // Октябрь. 1928. Кн. 2. С. 125–222.
- Шугаев Ал.* Золотая голова // Сибирские огни. 1925. № 2. С. 45–72.
- Juin (Giugno) С.* Ein toller Tag oder: noch ein Wiener Dienstbote! Burleske mit Gesang in 3 Akten. Wien, Druck aus J. B. Wallishaussers k. k. Hoftheater-Druckerei, 1858. 31 S.
- Spindler С.* Der Jesuit: Charakter-Gemälde aus dem Ersten Viertel des achtzehnten Jahrhunderts. Philadelphia, Verlag von F. W. Thomas, 1855. 223 S.

Литература

- Апресян Ю. Д.* (отв. ред.). Активный словарь русского языка. Т. 2. М.: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.* Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21–34.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2014. 487 с.
- Грачев М. А.* Кому товарищ тамбовский волк? // Мирь имён и названий. 2009. Март. С. 1, 6.
- Друговойко-Должанская С. В.* Почему брянский тамбовскому не *lupus est* // Gramma.ru [2006]. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.62> (дата обращения: 11.03.2022).
- Душенко К.* Большой словарь цитат и крылатых выражений. М.: ЭКСМО; ИНИОН РАН, 2011. 1215 с.
- Зеленин Д. К.* Избранные труды. Т. 2: Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 430 с.
- Кожевников А. Ю.* Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино: материалы к Словарю отечественной кинокрылатики. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 671 с.
- Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.* Либеральный лексикон. СПб.: Нестор-История, 2019. 180 с.
- Молотков А. И., Павленко Е. К.* Идиоматика фольклора (на материале русских сказок) // Русское языкознание: респ. междведомств. науч. сб. Вып. 17 / ред. кол.: М. А. Карпенко (отв. ред.) и др. Киев: Выща школа, 1988. С. 53–59.
- Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу: в 2 ч. М.: Просвет, 1991. Ч. 1: 269 с.; Ч. 2: 284 с.
- Феоктистова И. Е.* К вопросу о пейоративах // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск: [Урал. гос. ун-т], 1979. С. 79–86.

References

- Apresyan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian language]. Vol. 2. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014. 736 p.
- Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. [The principles of the semantic description of phraseology]. *Voprosy Yazykoznaniiya*, 2009, no. 6, pp. 21–34. (In Russ.)
- Berezovich E. L. *Russkaya leksika na obshchoslavianskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian lexis on the common Slavic phone: Semantical and motivational reconstruction]. Moscow, Dmitriy Pozharsky University Publ., 2014. 487 p.
- Drugoveiko-Dolzanskaya S. V. [Why is Bryansk wolf not *lupus est* to the Tambov one?]. *Gramma.ru* [2006]. Available at: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.62> (accessed 11.03.2022). (In Russ.)
- Dushenko K. *Bol'shoi slovar' tsitat i krylatykh vyrazhenii* [Large dictionary of citations and catchphrases]. Moscow, EKSMO Publ., Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS, 2011. 1215 p.
- Feoktistova I. E. [On the problem of pejoratives]. *Voprosy onomastiki* [Problems of onomastics]. Vol. 13. Sverdlovsk, Ural State Univ. Publ., 1979, pp. 79–86. (In Russ.)
- Grachev M. A. [Whose comrade is Tambov wolf?]. *Mir imen i nazvanii* [World of names and titles], 2009, March, pp. 1, 6. (In Russ.)
- Kozhevnikov A. Yu. *Krylatye frazy i aforizmy otechestvennogo kino: materialy k Slovaryu otechestvennoi kinokrylatiki* [Catchphrases and aphorisms of the Russian cinema: Materials for Dictionary of domestic 'cinema catchphrases studies']. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2009. 671 p.
- Levontina I. B., Shmelev A. D. *Liberal'nyi leksikon* [A liberal lexicon]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2019. 180 p.
- Molotkov A. I., Pavlenko E. K. [Folklore idiomatic (on the material of Russian folktales)]. *Russkoe yazykoznanie: respublikanskiy mezhdvedomstvennyy nauchnyy sbornik* [Russian language studies: A republican interdepartmental scholarly collection of papers]. Vol. 17. Ed. by M. A. Karpenko et al. Kyiv, Vyscha Shkola Publ., 1988, pp. 53–59. (In Russ.)
- Rossi J. *Spravochnik po GULAGu* [A handbook on GULAG]. In 2 vols. Moscow, Prosvet Publ., 1991. Vol. 1, 269 p.; Vol. 2, 284 p.
- Zelenin D. K. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Vol. 2. *Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki* [Essays on Russian mythology: The died an unnatural death and the 'rusalkas']. Moscow, Indrik Publ., 1995. 430 p.